

Михаил ГУБОГЛО

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ В ОРБИТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

На пороге нового тысячелетия социология и смежные дисциплины столкнулись с новыми проблемами в осмыслении меняющейся реальности, в том числе в оценке феномена этничности, в понимании места и роли языка в ее системе, а также в политических и социальных процессах, в утверждении принципов российского федерализма и основ местного самоуправления, в толковании генезиса и сущности национализма и конфликтов, в характеристике роли лингвизма и этнической мобилизации в стремлении народов к сохранению самобытности и соучастию в деле построения элементов гражданского общества. Немалый вклад в прояснение перечисленных проблем внесли развивающиеся на основе классической социологии и на стыке традиционных наук гибридные по-своему происхождению новые междисциплинарные направления - относительно молодая этносоциология и еще более юная этнополитология. Каждая из них, в отличие, например, от социолингвистики, ориентированной преимущественно на анализ языка в социальном контексте, под особым углом зрения заново открывала для себя политику и практику развития и взаимодействия языков и культур в многоэтничном государстве, как одну из центральных проблем существования и политизации этничности.

Четыре фундаментальных понятия — **общество** (как гражданское общество), **государство** (как система политических институтов и взаимоотношений между ними), **народ** (как этническая общность) и **язык** (как важнейшее средство коммуникаций) занимают ключевое предметообразующее положение соответственно в предметной области социологии, политологии, этнологии и языкознания. Однако ни одна из названных фундаментальных наук, несмотря на свой самостоятельный статус, на богатые традиции и общепризнанные очертания границ, не обладает монопольным правом на изучение только «своего» феномена.

Расширяющаяся на глазах «контрабанда», т.е. преодоление границ устоявшихся научных дисциплин, придает особую актуальность различным формам связи языка (языков), обслуживающего (-их) общество, государство или этническую общность.

Основанием и оправданием для междисциплинарных интерференций служат: во-первых, взаимосвязанность изучаемых явлений, во-вторых, относительная аморфность и гетерогенность предметной области и проблематики каждой науки, в-третьих, возникновение в сопредельных, приграничных областях проблемных пустот, заполнение которых неизбежно ведет к гибридизации.

Взаимное перенесение теорий, понятий и методов через дисциплинарные границы, с одной стороны, вносит коррективы в структуру каждой науки, а с другой - приводит к созданию новых научных направлений, которые в силу нарастающей специализации приобретают гибридный характер.

Первичная гибридизация

Под первичной гибридизацией (скрещиванием) в исследованиях тех или иных процессов и проблем понимается не хронологический, а науковедческий аспект, когда проблемное ядро нового научного направления возникает на стыке предметных областей двух ранее самоопределившихся наук. Если представить себе полный набор бинарных направлений между науками, изучающими каждое из четырех избранных для анализа явлений (общество - государство - народ - язык), то теоретически можно получить, как это представлено на схеме 1, матрицу, состоящую из 16 клеток. При этом 4 клетки, расположенные на диагонали, идущей сверху вниз и слева направо, представляют наименования базовых наук. Речь идет соответственно о социологии, политологии, этнологии и о языкознании.

6 клеток заняты бинарными научными направлениями, обладающими определенной автономией. Таковы, в частности, **этнолингвистика**, в рамках которой изучаются сложные проблемы на стыке между этнологией и лингвистикой, лингвополитология, сегодня еще не в полной мере занятая проблемами разработки и реализации языковой политики, социоллингвистика, ориентированная на анализ языка в социальном контексте, этнополитология, набирающая обороты на рубеже веков в деле изучения взаимоотношений между государством и населяющими его народами, этносоциология, в предметной области которой внимание сосредоточено на анализе социальных, в том числе трансформационных процессов среди различных народов (этносов) и этнических процессов в различных социальных и социально-профессиональных группах. Наконец, в приграничных районах наук, изучающих гражданское общество и государство, развивается **политическая социология**, в лоне которой ведутся исследования политической социализации, политического менталитета, культуры и поведения.

С приведенными наименованиями корреспондируют их двойники, наименования-близнецы, которыми в приведенной схеме заполнены

оставшиеся еще 6 клеток. Так, например, ряд авторов придерживаются мнения, что социолингвистика едва ли не синонимична социологии языка, а лингвополитология - политической лингвистике. Контур политической антропологии, изучающей институты управления и их функционирования в различных этнических средах и выявляющей этнические факторы в менталитете, в политической культуре и поведении людей, близки к границам предметной области этнополитологии, этносоциологию нередко именуют социологией этноса (этнической общности), а иногда - социологией национальных отношений (см. схему 1).

Схема 1

Генезис и становление междисциплинарных направлений как итог первичной гибридизации

Ключевые понятия	общество	государство	этнос	язык
	Новые междисциплинарные направления, имеющие гибридный характер			
общество	социология	социология политики	социология этноса	социология языка (речевого поведения)
государство	политическая социология	политология	этнополитология	политическая лингвистика
этнос	этносоциология	политическая антропология	этнология	антропологическая лингвистика
язык	социо- лингвистика	лингво- политология	этно- лингвистика	языкознание

Социолингвистика

Потребности политики и практики по «выяснению отношений» между языком, этносом и обществом, в том числе по выявлению и характеристике социальной обусловленности, ситуативной и социально-профессиональной вариативности существования языка, в частности в речевом поведении его носителей, привели к возникновению социолингвистики. Она отпочковалась от классического языкознания, в лоне которого она сначала зарождалась, а затем, напитавшись социологическими методиками, утвердилась в статусе самостоятельной на-

учной дисциплины, с целью установления регулярных и меняющихся соответствий между этноязыковой и социальной структурами.

Несмотря на обилие социалингвистической литературы, сосредоточенной на систематизации данных о внешней истории языков народов России, социетальная основа и тайна их функционального развития и взаимодействия остается не до конца разгаданной. Романисты порой тоньше, чем социалингвисты, подмечают психологические и политические нюансы, относящиеся к предметной области этнополитической социалингвистики. Так, например, одной из форм сопротивления местного литовского населения присутствию войск и журналистов Советского Союза было почти поголовное нежелание отвечать по-русски. Любой вопрос, заданный на русском языке на улице ли, в магазине, на рынке, встречал непроницаемый, как стенка, стандартный ответ: «Не супранту» (не понимаю). И насмешку во взгляде. А чаще всего откровенную неприязнь. Это было самой безопасной формой вражды. За насмешливый взгляд и за незнание русского языка даже при Сталине в Сибирь не отправляли.

Этносоциология

Параллельно с социалингвистикой в 1970-е-1980-е гг. зародилась, самоутвердилась, добилась значительных успехов и широкого общественного признания **этносоциология** - пограничное научное направление, самоопределившееся в изучении обширного круга проблем, находящихся на стыке между этнологией, изучающей историю, культуру и языки народов мира, и социологией как «учением об обществе», сосредоточившейся, согласно новейшим определениям, на изучении общества.

В процессе социализации и специализации («обретения самих себя») этносоциологи сосредоточили свое внимание на изучении социальных процессов в разных этнических средах и этнических процессов - в социальных и социально-профессиональных группах. При этом этносоциология, для которой репрезентативные опросы естественны, как дыхание, значительно опережала социалингвистику по части накопления эмпирического материала и публикаций, посвященных анализу конкретных этносоциологических ситуаций, и, увы, не менее серьезно отставала в деле легитимизации своего статуса в системе других наук в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Неопределенность границ, статуса, концептуально-методологической основы, а также понятийно-терминологического арсенала вызвала сомнения и неуверенность академического истеблишмента относительно самоутверждения и самоопределения этносоциологии как самостоятельной дисциплины. Это нашло отражение, в частности, даже

в определении своего отношения к этносоциологии члена-корреспондента РАН В.А. Тишкова, от позиции и поддержки которого в немалой мере зависит, быть или не быть этносоциологии, как продуктивному направлению, дополняющему номенклатуру новых направлений в системе гуманитарного знания. «В рамках нашего института, например, - свидетельствовал в одном случае В.А. Тишков, отвечая на вопрос о различии и единстве между этнографией и этнической социологией, - очень трудно приживалась этническая социология, т.е. изучение этничности методами социологического опроса». Однако в целом В.А. Тишков не отрицал высокого статуса, достигнутого этносоциологией в системе отечественного обществоведения. «Нужно отдать должное, - резюмировал он ее основные достижения, - родоначальникам этого направления (Ю.В. Арутюняну, М.Н. Губогло и Л.М. Дробижевой), которые утвердили это направление в такой степени, что оно стало почти отдельной дисциплиной на стыке двух наук - этнологии и этносоциологии»¹.

Специализация в изучении функционирования и взаимодействия языков в социальном контексте, в том числе в рамках триады: общество - государство - народ (этнос), состояла в том, что **социолингвисты** предпочитали обозревать языковую жизнь с высоты птичьего полета и создавать абстрактно-теоретические схемы, в то время как **этносоциологи**, подобно кротам, взрыхляли почву локальной социолингвистической реальности. Соответственно итоги исследований первых грешили абстрактными культурно-историческими схемами и излишним академизмом, а добытый трудами вторых эмпирический материал не всегда оказывался востребованным для теоретических обобщений.

Вторичная гибридизация

Вслед за первичной наступала очередь вторичной гибридизации, т.е. скрещивания теории и подходов социолингвистики и этносоциологии путем взаимообмена накопленного опыта.

Необходимость перекрестного скрещивания этнополитического ракурса с этносоциологическим была, в частности, продиктована тем, что в реальной языковой жизни народов России **политология предложений** (например, выпуск книг, газет, журналов, распределение количества эфирного времени, соотношение школ с различными языками обучения) не всегда и не везде корреспондировала с **социологией спроса** (кто, где, когда, что, на каком языке слушает, разговаривает, пишет, читает, смотрит и т.д.).

1. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IV (16). СПб., 2001. С. 13.

В основе гибридизации отраслей знания, изучающих связи языка, лежит чрезмерная привязанность языка к социуму и к различным формам его существования. Суть ее проявилась в том, что этнополитологи вместе с юристами, увлеченные виртуально-романтическим языковым законотворчеством, убедились в тщетности усилий по управлению языковой жизнью без этносоциологической экспертизы языковой ситуации в стране и языковых ситуаций в конкретных районах и регионах. Жизнь показала, что большинство принятых законов о языке и языках, а также программ по их реализации, оказалось невыполнимым, т.к. не было основано на знании и на учете ее величества «Потребности». Между тем, выявление языковых потребностей было невозможно без помощи социологии. Точно так же этносоциология, хорошо осведомленная о языковых потребностях различных групп населения, не имела опыта квалифицированного представления в законотворческие органы своих обоснованных рекомендаций. Возникшую на этой основе «ничейную территорию» можно было культивировать, только соединив усилия каждой дисциплины.

Наличие неразрывной связи между реально существующими языком и этносом, особенно в сфере культуры, никогда не подвергалось сомнению в этнологической науке, за исключением некоторых постмодернистских течений. Однако признание этой связи не всегда означало продуктивное ее осмысление, понимание основных форм, масштабов и механизмов ее проявления. Именно по этой причине отечественная наука оказалась в целом не готовой понять связь между языком и государством, что нашло отражение, в частности, в том, что в ряду причин развала Советского Союза оказалась и несостоятельность языковой политики и, прежде всего, непонимание связи между языком с одной стороны и между обществом, государством и этносом - с другой. Между тем, ставшее необычайно популярным клише «этнический парадокс современности» точнее было бы именовать «языковым парадоксом современности», так как в противостоянии народов как этнических общностей нивелирующим процессам глобализации одну из главных ролей играет стремление к сохранению самобытности.

Тщетность этноязыкового волюнтаризма

В начале 1990-х годов в ходе наполнения суверенитета республик реальным содержанием и конституционного процесса 1993-1995 гг. в некоторых из них утверждалась правовая основа по созданию благоприятных условий для расширенного функционирования языков титульных национальностей. В то же время имели место случаи самоотстранения республиканских элит от проявления заботы о русском языке.

ке, что создавало основу для дискриминации русского языка и русскоязычного населения для использования местного законотворчества, для создания этнократических режимов. Так, например, составляя 21,9% населения Башкортостана, башкиры в 1995 г. занимали 73,3% должностей в «высшей» политической элите и правительственных кругах. В то же время русские, удельный вес которых (39,3%) был почти в два раза больше, чем башкир, занимали в том же году в тех же структурах 20% должностей.

Смещение акцента на языки титульных национальностей республики при некоторой позитивности несло в себе опасность изоляционизма. Законодатели и лидеры некоторых республик сняли с себя ответственность за создание достойных условий в деле развития, распространения и использования русского языка как единого государственного языка во всех субъектах Российской Федерации в том числе и в республиках, вступили в явное противоречие с естественной тенденцией становления русского языка национальным достоянием не только русского, но и всех остальных народов России.

Всероссийская перепись населения 2002 г., выявив, что 98% граждан России свободно владеют русским языком, а в ряде случаев даже лучше, чем языком своей национальности, подтвердила предсказанный еще накануне распада СССР этносоциологами факт о том, что русский язык стал национальным достоянием народов России, и поэтому идеологема «русский язык - язык межнационального общения» потеряла свой смысл.

Сегодня, на заре нового тысячелетия, не снимается с повестки дня вопрос: какова вина ученых, не сумевших своевременно и аргументированно убедить политиков в смертельной опасности, таящейся в лингвизме и этнилизме, с помощью которых была развернута борьба за развал страны, за низвержение статуса, имиджа и широкомасштабного распространения русского языка среди всех нерусских народов великой страны? Вопрос остается открытым: виновны ученые, не сумевшие убедить политиков, или виновны политики, не внявшие рекомендациям ученых?

Могущество русского языка как социального капитала

Принципиальным достижением отечественной этносоциологии и родившейся в ее недрах социологии языка, или этнополитической социолингвистики как нового научного направления, было признание могущественной роли русского языка как «языка единства и единства языков», как важнейшего средства, внедряющего естественным путем в ментальность советских людей, выражаясь современной терминологией, толерантность, доверительность и солидарность.

Сегодня, в начале второго постсоветского десятилетия, русский язык снова выступает одним из центральных вопросов в политической жизни постсоветского пространства. В одних случаях вытеснением русского языка из культурно-бытовой жизни республики Прибалтики решают кадровые вопросы, связанные с созданием моноэтнических режимов. В других случаях, как, например, в Республике Молдова, отказ правящей элиты в оказании поддержки в освоении и употреблении русского языка означает стремление нейтрализовать пророссийские социокультурные ориентации русскоязычного населения. В третьих случаях, как, например, в Приднестровье и Гагаузии, именем русского языка, путем правового закрепления его в статусе государственного языка народы отстаивают свои права на синхронное сохранение и развитие своей самобытности и социальной энергии. В четвертых, как, например, в Кыргызстане, Армении, Казахстане, частично в Узбекистане, нынешние элиты, убедившись в бесперспективности оттеснения русского языка из важных сфер жизнедеятельности, меняют политику вытеснения русского языка на лояльное или даже аффирмативное к нему отношение. Жизнь берет свое.

Этнополитология

Политизация языка на рубеже 1980-1990-х гг. стала не только катализатором, но и последствием этнизации политики. Возросший в связи с этим общественный интерес к социологии языка и этничности, проявляющийся на стыке предметных областей этнологии и политологии, привел к серии междисциплинарных исследований и публикаций, которые в свою очередь послужили основанием для вывода о зарождении этнополитологии как гибридной по происхождению, междисциплинарной по характеру научной дисциплины, не без оснований претендующей на самостоятельный статус.

И если этносоциология сыграла роль предвестника социальных перемен в сфере этногосударственных и межэтнических отношений, этнополитология стала непосредственной наблюдательницей, взяв на себя роль мониторинговых исследований.

В советские времена не было недостатка в публикациях, посвященных языковой жизни народов и языковой политике, осуществляемой государством в качестве неотъемлемой составной части национальной политики. Однако даже самые авторитетные специалисты в этой области при определении сущности, содержания, целей и задач языковой политики не выходили за рамки функционирования самого языка. При этом внимание акцентировалось скорее на языке «вне человека», а не на «речевом поведении человека».

Чрезмерная политизация языка стала одним из важных индикато-

ров этнополитической жизни Российской Федерации в 1990-е годы. Язык стал не только вдохновляющим и притягательным манифестом и действенным инструментом этнической мобилизации, но и важным фактором влияния органов власти и этнических лидеров на характер межнациональных отношений. Так возникла двоякая потребность изучения особой роли языка в современных этнополитических процессах, наполненных взрывоопасными социально-политическими деформациями и коллизиями. С одной стороны, перед этнополитологией встали задачи изучения правовых основ и организационных мер по реализации такой этнической политики, ядром которой выступала деятельность по созданию приоритетных условий для представителей титульных национальностей, а идеологическим символом - борьба за расширение сфер функционирования языков, которым в республиках законодательно придавался статус государственного языка.

С другой стороны, продолжала оставаться актуальной задача этносоциологического исследования языковой жизни народного большинства, в т.ч. реальных языковых ситуаций, характер и облик которых имел исторически сложившуюся обусловленность, не всегда корреспондирующую с целями, задачами и амбициями политических лидеров и этнических мобилизаторов.

Процессы фрагментации, дробления и интеграции наук выступают в наши дни одним из показателей прироста знаний и прогресса научного познания. Указанные тенденции специализации исследовательских интересов тесно связаны с гибридизацией, устойчиво номинируемой междисциплинарным подходом или пограничной областью знания. Между тем, в историографии гибридизации и гибридных отраслей знания нет их однозначной оценки. Чем моложе отрасль знания, тем меньше вероятность быть удостоенной обзорной работы. В условиях ускоряющегося нарастания объема научных знаний в настоящее время нелегко быть специалистом одновременно в двух или более науках. Освоить огромную библиографию и обширное наследие каждой науки не под силу одному человеку.

Анализируя и оценивая значение смежных дисциплин, чаще всего думают, что они служат разграничению наук, в то время как на самом деле они скорее «работают» на сближение, чем на разъединение. Таков принципиальный вывод, вытекающий из анализа становления и утверждения этносоциологии и этнополитологии как новых междисциплинарных направлений, обязанных своим гибридным характером содружеству социологии с другими отраслями гуманитарного знания при изучении взаимосвязанных проблем общества - государства - этноса - языка.